

НИКОЛАЙ
ПОМЯЛОВСКИЙ

МЕЩАНСКОЕ
СЧАСТЬЕ

Москва
T8 RUGRAM
2019

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
П55

Помяловский, Н.Г.

П55 Мещанское счастье / Н.Г. Помяловский. – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2019. – 200 с. – (RUGRAM-КЛАССИКА).

ISBN 978-5-519-65999-4

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

Вашему вниманию представляется книга Николая Герасимовича Помяловского «Мещанское счастье».

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-65999-4

© Т8 RUGRAM, оформление, 2019
© Т8 Издательские технологии, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ПОРЕЧАНЕ	5
I. Дивный уголок земли	5
II. Бабу надо	11
III. Баба и любовное объяснение с нею	14
IV. О том, как в Поречне все бабы рот расстегнули	18
V. О том, как в Перечне все дамы рот застегнули	29
МЕЩАНСКОЕ СЧАСТЬЕ	46
ВУКОЛ	147
МАХИЛОВ	169
ДАНИЛУШКА	186

ПОРЕЧАНЕ

І. Дивный уголок земли

На берегу реки Озерной раскинуты два большие поселения, составляющие предместье огромного и богатого города, — Большая Поречна и Малая Поречна. Они разделяются между собою речкою Чернавкой. При впадении Чернавки в Озерную стоит казенная верфь.

Действие нашего рассказа происходит в Малой Поречне.

Малая Поречна не город, не деревня, не посад. Организация этого селения оригинальна. Обе Поречны основаны Петром I. Он построил при Озерной верфь; для верфи понадобились работники; Петр и выписал из Новгородской, Тверской и Олонецкой губерний разного рода вольных людей, в числе трех сотен, из которых поселил две в Большой Поречне, а одну в Малой. Поколение за поколением, от этих колонистов разрослось население поречан до четырех тысяч. Они должны были работать на царя топором, пилою и долотом на казенной верфи треть года, а остальные две трети могли заниматься чем угодно.

Поречну мы назвали предместием города, но она в то же время составляла квартал города, имела полицейского офицера, городского, хожалых и бутарей. Составляя часть города, она, казалось, должна была подчиняться всем учреждениям и законам городским; но на деле было не так. За то, что поречане для верфи бросили родину, прикрепились к ней, подчинились морскому ведомству, не могли приписаться ни к мещанству, ни к купечеству, они получили многие льготы и привилегии: им даны были свое

правление, суд и расправа, свои общественные суммы, не подлежащие ведению Думы; поречане были освобождены от податей, солдатчины и других повинностей; они сами заботились о своей церкви, школе, дорогах и т. п.; наконец, наделены были землями, взамен тех, которые оставили для верфи. Вследствие такой конституции, данной поречанам, они, отстаивая свою вольность, всегда воевали с полицией и достигли того, что она не имела для них никакого значения.

При таком самоуправлении, поречане, по натуре своей, были народ своенравного закала. Вы и теперь встретите в Поречне осьмиконечные кресты, врезанные в ворота домов, — знак того, что в ней немало староверов, а в старые годы почти все население Поречны состояло из раскольников беспоповщинской секты. Несколько лет тому назад разрушена их молельня; кладбище, на котором покоились родные их и земляки, было разметано; могильный камень, дерево, железо и бронза были расхищены, самая молельня обращена в православную церковь. Впрочем, в то время большинство поречан были православными, и потому оскорбление пало на меньшую часть их. Но тем не менее, в существе дела, в натуре своей, поречане все были раскольники; традиция прежних нравов сохранилась в полной силе в их быту. Поречане наследовали от отцов и дедов независимость и упорство в своих понятиях и жизни, которые еще более развились под влиянием привилегий, данных от Петра.

Самый род занятий, работы, которыми промышляли поречане, должны были вносить в их быт развивающие элементы. Они были столярами, плотниками, токарями, резчиками, позолотчиками. Всякая работа влияет на характер человека: сапожник и портной от сидячей жизни пьянствуют; никто на Руси так не лается, как бурлаки, потому что их работа невыносимо тяжела; мясники — все народ краснощекий и здоровый, потому что постоянно дышат испарениями свежего мяса и едят свежее мясо; рыбаки — люди кроткие, потому что живут среди природы, —

недаром Христос из среды их выбрал своих апостолов, и т. д. То же самое было и с поречанами: род занятий влиял на их нравы; особенно токарное и резчицкое дело, которые составляют как бы переходную ступень от ремесла к искусству, стоят в середине между ними, требовали некоторой развитости и изящного вкуса, понимания симметрии, изобретательности рисунка, знания пород и доброт разного вида деревьев; при них употребляются циркуль, транспортир, винты, винкель, стропило, ватерпас и множество других инструментов и приборов, требующих для обращения с ними некоторой образованности и развитости; необходимо было уметь считать и чертить, — а это без грамоты и письма почти невысказуемо. Словом, их занятия требовали научных сведений, хотя и не очень больших. Вот почему в Поречне есть школа, и вот почему обыватели ее большею частью народ грамотный; скажем более: некоторые поречане выписывали газеты, даже журналы и покупали книги; правда, такие лица составляли исключение, но все-таки они были. Деда поречан — раскольники, а среди раскольников, как известно, много людей грамотных; поэтому-то грамотность, по преданию, вошла в обычай у поречан; если кто не читал современных изданий, то держал в доме какую-нибудь старинную книгу, рукопись, Библию, а зажиточные даже Четьи-Минею — издание очень дорогое. Все это более или менее должно было цивилизовать поречан.

Быт женщин в Поречне тоже отличался характерными особенностями. Происходя от беспоповцев, у которых мужчина и женщина совокуплялись, без брака церковного, поречанки развили и воспитали в себе широко-свободные отношения к мужчинам. Поречанка, прежде нежели вступала в супружество, *женихалась* со своим суженым год, два и даже более. Не только посторонние, но и родители редко обращали на то внимание; случалось даже так, что отец и мать ужинают, а дочь их за порогом совершает с своим *душкой* — если не эмансипацию, то... как бы сказать?..

ну, *сипондряцию*, что ли, как выражается один мой знакомый. После такой, нередко трехлетней сипондряции и женихавшиеся почти никогда не изменяли друг другу. Незаконное дитя, следствие жениханья, не стесняло никого: оно, как и законное, делалось прикрепленным к верфи поречаняном или поречанкою и приобретало права детей, рожденных в церковном браке. Но, господа, любящие клубничку, помните, крепко помните, что свобода нравов допускалась только между поречанами; пришлые из города не пользовались удобствами местной эмансипации: если из них кто обнаруживал поползновение на поречанку, то дорого платился за это. Так, один богатый купчик стал ухаживать за хорошенькой поречанкой; его избили до скоротечной чахотки, и последовало отдавание души его, куда следует. Равным образом, одна довольно крупного чина особа изволила посягнуть на поречанку; эту крупного чина особу до жестокого возбуждения и чувствительности кожи отодрали жгучею крапивою, говоря: «это значит — мы сеем *крапивное семя*». Подобных историй, устраиваемых пореченским амуром, было немало... Что же это значит?.. Откуда эта свобода для себя и стеснение для посторонних?.. — «Нам самим баб надо!» — говорили поречане... И в самом деле, где же взять их, если поречанки будут изменять местному амур?.. Ведь очень редко не поречанка пойдет за прикрепленного к верфи. Вот почему поречанка, свободная дома, на стороне стеснялась строгим контролем. Но только в этом поречанки и были стеснены; в других отношениях они были женщины вполне самостоятельные. Их сила заключалась в том, что они, не походя на наших барышень, для которых отец должен заготавливать деньги в виде приданого для их замужнего существования, были независимы в материальном отношении. В Поречне муж редко заботился о прокормлении своей жены — она сама кормила себя, а иногда мужа и детей. Поречанки торговали в городе молочными скопами и добывали денег никак не менее своих мужьев и братьев. Скажут, что при нашем общественном строе это ничего не зна-

чит: муж всегда может отобрать от жены добытые ею деньги. Может. Но, с одной стороны, поречане в долгий период жениханья, предшествовавший свадьбе, имели возможность коротко узнать друг друга, вследствие чего меньше было шансов для несчастных браков; а с другой стороны, поречанки имели довольно крепкие мышцы: они носили в город на коромыслах молоко и сливки в жестяных кувшинах мерою в два и три ведра, делая поход верст в двадцать и более, — это развивало их мышцы; наконец, поречанки, по общей слабости женщин — перемывать кости ближнего, любили во время похода болтать; грохот экипажей по мостовой города заглушал их голоса, они должны были сильно напрягать легкие, — оттого легкие развивались, и вот почему поречанки были народ грудастый и горластый; они в спорах с мужчинами употребляли в дело грудные мехи, от которых зависела немалая доля их успеха. Итак, нравственная сила, денежная сила, мышечная сила и гортанная сила должны были создать тип поречанки. Человека, из которого должен выйти дурной муж, поречанка, если она не дура, разгадать может во время жениханья и бросить его; если ошибется — пойдет замуж, а муж станет куражиться, она спрячет от него свои деньги; станет муж драться, она сдачи даст; муж окажется сильнее, она заревет во всю свою здоровенную грудь, так что по крайней мере половина Поречны узнает, кто бьет, кого бьет и за что бьет; а вырвавшись из рук сожителя, она, выбежав на улицу, опозорит его на весь мир божий. Случалось и так: муж попадался бесталанный и притом слабосильный; тогда главою семейства становилась женщина: она кормила, поила и одевала семью, заправляла хозяйством, воспитанием детей, а супруг занимал то положение, которое обыкновенно, в большей части случаев, занимает у нас жена по отношению к мужу. Вообще в Поречне женщина не могла быть подавлена мужским деспотизмом.

Итак, в Поречне процветало самоуправление, вольный дух, образованность, эмансипация женских прав... Не правда ли, что дивное местечко, славный уголок земли?.. Но, читатель, не увлекайтесь. С поверхностного, птичьего полета Поречна была прекрасна, но взглянем поближе на нее, и на первый раз взглянем хоть на внешний вид Поречны.

Малая Поречна имеет довольно красивую кладбищенскую церковь, которая разделяет ее на два края или конца, имеет правление, школу, ресторацию «Магнит», виноторговлю, два кабака, восемь мелочных лавок (мясных и булочных нет). В ней только три каменных дома, остальные — все деревянные, и среди деревянных не более десятка двухэтажных. Почти четвертая часть домов представляет собою вид печальный: это черные, гнилые, рассевшиеся на-двое и на-трое избушки, вросшие в землю, и у тех избушек прогнили крыши, покочнулись стены, отчего и подперты они досками и колыями; перекосившиеся окна нередко заклеены бумагой или тряпицею, а не то и просто заткнуты мужицким армяком или бабьим капотом. Левый край Малой Поречны вымощен булыжником, но было бы гораздо лучше для обывателей, когда бы совсем не существовало у них мощеного проспекта, который никогда не ремонтировался и был изъязвлен рытвинами, ухабами, буераками и разного рода чертоплешинами. Посреди проспекта Малой Поречны положены досчатые мостки, страшно исковерканные и испещренные прорехами и неуклюжими заплатами; дыры и заплаты ломали ноги трезвому и пьяному люду пореченскому. В Малой Поречне почти нет садов; обильная зелень только и встречается на кладбище, которое вследствие того служит для обывателей публичным садом. Некогда же селение было окружено дремучими лесами, переполненными сосною и елью, березняком, осиною и рябиной, в них попадались дуб и клен; но леса давно вырублены верст на двадцать кругом во все стороны — дерево пошло на топливо, постройки и поделки разного рода, даже корни вырыты из земли и сожжены в печах